

Свет Марины Ладониной

Культура. — 1998. — 18 — 24 июня. — С. 11

Какая-то сосредоточенная внутренняя жизнь накладывала печать на эту великую актрису

Обращение к юбилею большого художника, сыгравшего значительную роль в родном искусстве, — это всегда и попытка разобраться в самом себе: как это явление отсветило в твоей собственной жизни, его судьба, его творчество.

Юбилей Марины Алексеевны Ладониной. Это парадокс величин самого высокого ряда: не нужно называть титулов и званий, говорить о количестве премий, даже называть картины. Имя обнимает все. И даже чуть больше. Свет его заливают и определяют эпоху.

И сразу возникает целый ряд глубоко личных ассоциаций. Это уж потом эти личные ассоциации интерпретируются, подвергаются толкованию...

В каком это году вышли у нас "Кубанские казаки", которые нынешняя просвещенная критика так легко пустила по разряду лакировки действительности? "Каким ты был, таким остался", — пела тогда уже не очень молодая Ладонина, лихо управляясь с норовистой лошадкой. Так какой год... 195...

Я тогда вечно прогуливал школу. И коротал время в следующих местах: в детском, ныне не существующем зале Российской Государственной библиотеки (б. Ленинки) и в двух кинотеатрах — "Москва" и "Метрополь". Последний тоже уже не существует, а ведь кинотеатр многозальный, почти нынешний мультимплекс. Тогда я, начинающий киноман, точно уяснил себе, что живу в эпоху малокартинья, ибо в лучшем случае новые фильмы появлялись раз в месяц. И еще я опытным путем определил, что именно в этих двух московских кинотеатрах, купив один раз билет, можно остаться и на второй, и на третий сеанс: по окончании фильма потоки зрителей, покидающих кинотеатр и тех, кто шел на картину, на мгновение сливались. Здесь уже все зависело от твоей мальчишеской изворотливости. Ах, как трудно в то время было отыскать в зрительном зале свободное место, чтобы тебя не вычистила билетерша!

Как мы тогда жили? В огромной, на сто человек коммунальной квартире ставили газ. Соседский старший сын Даня Гинзбург, пришедший с войны без руки, заканчивал, кажется, юрфак университета. Того самого, который

потом буду заканчивать и я. Мой отец еще не вернулся из лагеря. К демонстрации 1 Мая выкрасили шерстяную рубашку моего деда и из нее сшили курточку. Жизнь была тяжелая, но полная надежд.

И все-таки в этом немислимом и, как сейчас стало ясно, после киви и ананасов на московском прилавке, таком простом и незамысловатом кубанском изобилии была своя правда и логика. Горы высились арбузы, дыни и помидоры — не только плоды земли, но и плоды труда. И за этот труд, как тогда отчетливо понимали мы все: и прогуливавшие уроки школьники, и работавшие у станков люди, — мы все имели право на свое маленькое счастье. Жизнь и идеология были построены так, что за труд, упорство и верность всегда воздавалось. Считалось, что в колхозах были одни только "палочки". Но ведь сливочное масло в Елисейском на улице Горького, и тогда только что открытым гастрономом на Смоленской, и в прекрасном магазине "Молоко" на углу Вспольного переулка и б. улицы Алексея Толстого, ныне снова переименованной в Спиридоньевскую, — это первый магазин, в который я вошел после отмены карточек с мелочью из своей детской копилки, но ведь, повторяю, масло тогда в Елисейском, и пшено, и колбаса были свои, отечественные. Существовала ли тогда еще доктрина о некоторой вине кулацкой деревни перед пролетаргородом? Но дети этих самых несчастных кулаков и этих самых незабалованных пролетариев вкупе с профессорскими сыновьями и сыновьями учителей и врачей отстояли страну в Отечественной войне. Спасли от национального унижения и, наверное, уничтожения. И все хотели быть счастливыми. Мы тогда еще не рассказывали о русском национальном характере так: не что бы мне было лучше, а чтоб соседу было хуже. Мы тогда еще мечтали, чтобы если не на всем земном шаре, но где-то было хорошо. Я все отчетливо, будто это было вчера, помню — после этих трех или пяти просмотров: и совсем юную Лучко, и Петрова, так похожего на Алейникова кавалера и невероятного обаяния Бориса Андреева — "помнишь, Федя?" И двух опереточных звезд, двух толстых птичниц. Ощущение полнокровной справедливости

Слева: В фильме "Свинарка и пастух". 1941 г. Справа: На церемонии вручения кинематографической премии "Ника". 1998 г.

Фото Л. ВОРОБЬЕВОЙ

жизни, достатка здоровых людей, заслуженного ими в это послевоенное время счастья. И помню удивительный роман Марины Ладониной и Сергея Лукьянова — двух председателей колхозов. Один воевал, а другая в тылу занималась мужским делом, вела колхозное хозяйство. А вот теперь, на этой ярмарке, заваленной арбузами, в этой жизни соревнующихся колхозов, они не могут овладеть своим личным счастьем. Не могут перешагнуть, любя друг друга, через что-то несущественное. И все доказывают друг другу — делами, трудом и даже на колхозном ипподроме. Кубанские казаки!..

Она была прекрасна и узнаваема, Марина Ладонина, для нас, молодых зрителей. Она была героиней для наших матерей, еще совсем молодых женщин, которые или дождались, или не дож-

дались, но всегда хотели, в соответствии с эпохой, крепкого романтического счастья.

Согласимся, что изображение любви как человеческого акта, возвышенного и духовно тонкого, всегда являлось достижением в искусстве. Нынешние страсти в ключья, и предметы дамского туалета в ключья и долой, мордобой влюбленных и аэробика в постели — это проще, нежели любовь-взгляд, любовь-состояние. Марина Ладонина научилась у своих современниц этой возвышенной и русской любви; а потом этой гордой и нежной любви учили у нее они.

Замечательные кинозвезды наших 30-х разделили между собой бывшее амплуа инженера.

Наши звезды тридцатых годов как бы поделили между собой разные черты своих советских героинь. Любовь Орлова олицетво-

ряла эксцентрику с некоторым американским уклоном. Тамара Макарова — мужество освоителей Севера и Дальнего Востока (недаром ей, наверное, так и не далась Нина в экранизации "Маскарада", не ее жанр). Валентина Серова была символом женственности и верности. Зоя Федорова — лукавой девчонкой из народа.

В этом смысле Марина Ладонина, ее героини стали средоточием национального характера. Она сама сибирячка, и в ее героинях много вот этого глубинного, крепкого. Жизнь ее сложилась так, что мимо прошли и Анна Каренина, и Раневская, и Негина, и шекспировские персонажи. Все это, что она, возможно, и сыграла бы, не осенило ее жизнь. Вечно среди тракторов, среди лошадей и коров, вечно в земле и на земле повязанная белым платочком,

она такой осталась в памяти зрителей своего поколения.

И вершиной здесь стала, безусловно, ее Глаша в "Свинарке и пастухе". Вершина пырьевского фольклора, это фильм особой судьбы. Начавшись сниматься в самый канун войны, он заканчивался уже на фоне Сельскохозяйственной выставки в серой, тревожной Москве, укутанной в светомаскировку, под небом, разрезанным лучами прожекторов. Уже близился страшный октябрь сорок первого — исход из Москвы людей и архивных бумаг, самого правительства. Кто тогда мог верить в победу, когда немцы стояли на Рогачевском шоссе, в двадцати километрах — помнишь, станция Луговая?

Потом законченный в голодных ночных съемках фильм стал талисманом для фронтовиков. Его перехватывали друг у друга

части, стоявшие на передовой, и никто не знал, будет ли он жив завтра: на завтра бой, а сегодня сеанс в окопах. История любви — если нас подружила Москва, это особая, советская любовь. Марина Алексеевна как-то рассказывала, что однажды показывали эту картину в госпитале под Алма-Атой — туда был эвакуирован "Мосфильм". И вот после просмотра она вышла из душежного зала, полного раненых, на свежий воздух. Было холодно, чисто, светло, на небе застыли крупные, мохнатые звезды. Внизу — огоньки Алма-Аты, а Москва — за тысячи километров. Но как-то особенно чувствовалось, что это одно небо. Одна земля, за которую там борются танками и гранатами, а здесь, на экране, — вот этой любовью, странным знакомством, соединившим северную колхозницу и пастуха с гор Кавказа.

В "Свинарке и пастухе" было какое-то щемящее, нарядное ощущение времени. С его невероятными, не воплощаемыми раньше возможностями в судьбах людей. Не только дерзость разноплеменной любви, когда глухая страсть слепо бросает людей в объятия друг к другу. Но любви возвышенной, чистой, преодолевающей преграды, стоящими, кажется, только перед шекспировскими героями. Здесь не только пресловутый советский характер с его такой же развенчанной дружбой народов. Но и тяжелейшая актерская задача в постижении и освоении и этого нового в искусстве характера, и идеологических задач. Перед искусством всегда время ставит задачи, а искусство их разрешает. Вводя наработанное им в обиход. И здесь надо вспомнить, с какой удивительной теплотой и достоверностью Ладонина сыграла свою свинарку Глашу на фоне помпезных декораций сталинского ампира. И сколько молодых женщин и девушек избрали стилем своего поведения, облика, сейчас бы сказали — имиджа, Марину Ладонину. И здесь самое время привести хронику или повторять, или разнообразят скандальный сюжет ее ролей, или интересуют зрителя больше, чем извивы трудовой биографии ее героини. Впрочем, и героини, и их трудовые биографии нынче не в моде.

Я познакомился с Ладониной в Болшевье, прелестном сталинском Доме творчества, который когда-то существовал и куда запросто московские актеры и режиссеры ездили на встречу Нового года или просто на уик-энд. В еще не до конца обветшавших коридорах, кажется, слышались шорохи платьев из панбархата с квадратными накладными плечами. И Ладонина, хрупкая, маленькая женщина, роста и фигуры Улановой — пишу об этом потому, что масштабы, кроме масштаба личности, удивительно не гармонировали с интерьером своей эпохи. Не гармонировала она и с моими представлениями о ней. "Сибирский характер" увлекался какой-то изысканной поэзией, не сплетничал, не вел задушевные актерские беседы, какая-то сосредоточенная внутренняя жизнь клала печать на эту великую актрису российского кинематографа. Молодые актеры и актрисы не стремились войти в круг ее знакомых, эту женщину как бы окружало силовое поле собственных возвышенных интересов и раздумий. В это время она уже давно не снималась. В поездках к зрителям, среди кавалерии первых звезд, стадионы еще встречали Ладонину ревом — как нынче встречают Майкла Джексона. Но она пыталась выстрелить какие-то свои актерские программы из самых изысканных стихов русской и зарубежной поэзии. Я вряд ли здесь что-нибудь путаю, потому что мои ощущения значительности и вдохновенной глубины этой женщины до сих пор очень ярки.

Тогда же я вспоминал и о ее удивительном содружестве с Иваном Пырьевым, закончившемся так трагически (если об этом неизвестно широкой публике, то уж кинематографическое и актерское сообщество об этом широко осведомлено), и о том, что она никогда ни единым плохим словом о нем не обмолвилась. О том, что звезда в многолетнем простом, что не размывает свою репутацию, как некоторые ее сверстницы, на мелкие актерские вылазки. Она, кажется, уже ничего не ждала от жизни нового, но с честью и достоинством несла бремя своей невероятной славы.

По этому признаку тоже узнаются великие актрисы.

Сергей ЕСИН